

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА ВНУТРЕННИХ ОБОЗРЕНИЙ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в.

Изучается взаимосвязь внутреннего обозрения с провинциальным текстом русской литературы XIX в. Анализ жанра внутренних обозрений толстых журналов, как-то: «Отечественных записок», «Искры», «Колосъев», – показывает возникающие трансформации, связанные с проникновением художественного повествования в структуру рассматриваемых обзоров. На основании рассмотренного материала можно сделать вывод, что провинциальный свертхтекст значительно изменяет и трансформирует некоторые нехудожественные жанры русской журналистики.

Ключевые слова: русская литература; журналистика второй половины XIX в.; провинциальный текст.

В 40-е гг. XIX в. многочисленные мотивы и сюжеты, связанные с провинцией, формируют единое тематическое поле провинциального текста. Среди причин, повлиявших на это, можно назвать появление прецедентных текстов: поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», повести В.А. Соллогуба «Тарантас», романа А.И. Герцена «Кто виноват?». Предположительно, данные художественные тексты определили основные характеристики свертхтекста и обусловили его семантические границы (связанные, в частности, с сюжетным репертуаром). Нехудожественная словесность, попадая в поле провинциального текста, трансформировалась и изменялась, в чём можно убедиться, обратившись к внутренним обзорам как особой рубрике журнала второй половины XIX в.

Формально работа обозревателя толстого журнала сводилась к регистрации фактов из провинциальных газет [1], однако ближайшее рассмотрение этих хроник показывает, что неоднократно вместо фактов читателям предлагался ряд вымышленных сюжетов и ситуаций. Согласно исследованию Н.П. Емельянова, внутреннее обозрение как самостоятельная рубрика толстого журнала появилось во второй половине XIX в. в «Современнике» [2]. Представляя, по мнению исследователя, особый жанр, обозрение оказалось связанным с формированием новой целевой аудитории, в частности провинциальной – уездной и губернской.

В одном из таких материалов Г.З. Елисеев описывает роль обозревателя: «Внутренний обозреватель, хроникер, т.е. составитель хроники, в литературе то же самое, что ветошник в нашем житейском быту. Ветошник, вооружившись хорошим крючком, отправляется за добычей на разные двory <...> и вытаскивает оттуда все, что пошлет случай на его профессию» [3. С. 337].

Изначально задача внутреннего обозрения сводилась к компиляции сведений, полученных из губернских газет, однако исходный материал часто не представлял интереса для основной группы читателей из столицы. Как пишет Н.Ф. Блохин, «...во многих губерниях люди, поставленные во главе казенных газет, смутно представляли себе назначение их неофициальной части, поэтому отдел “о приехавших в город и выехавших из оногo” длительное время являлся главным в этом («Губернские ведомости». – А.К.) провинциальном издании» [4. С. 60]. По всей видимости, проблема провинциальной прессы заключалась не только в журналистских кадрах (в разные годы в провинциальной печати работали Н.С. Лесков, А.М. Скабичевский,

М.В. Буташевич-Петрашевский и т.д.), но и в особенностях законодательства. В своде законов Российской империи за 1855 г. не только оговаривались требования к содержанию «Губернских ведомостей» (п. 886), но и обозначалась ответственность за нарушение предписаний (п. 881). В отличие от столичной журналистики, здесь ответственным лицом оказывался не цензор, а вице-губернатор, что фактически исключало возможность творческого описания провинциальной жизни [5. С. 202–208]. Отсутствие сатирического, полемического содержания в «Губернских ведомостях» высмеивал В.А. Слепцов: «Качество это свойственно всем провинциальным газетам вообще и состоит в том, что они всегда очень верно воспроизводят ту среду, которая питает и греет их, можно сказать даже, что они и не могут дурно воспроизводить ее, если бы даже хотели» [6. С. 344].

Обращение к внутреннему обозрению в структуре толстого журнала показывает, что в ряде случаев обозреватель отказывался от позиции регистратора, претендуя на роль сочинителя художественного текста. В рассматриваемом аспекте показательны обозрения «Отечественных записок». Каждая новостная статья, связанная с губернскими ведомостями, предварялась общей преамбулой: «Как и прежде мы будем ограничиваться только оригинальными произведениями нашей областной литературы, отмечая факты почему-нибудь особо замечательные и предоставляя себе, в случае нужды, дополнять известия губернских ведомостей другими, столь же, или и более благонадежными» [7. С. 405].

Ссылаясь на губернские газеты, обозреватель тем самым подчеркивал достоверность воспроизводимых сведений. «Благонадежность» известий не ставилась журналистом под сомнение, он приводил их, снабжая кратким комментарием: «Можете себе представить, каково встретить в графе “посевов” – соль, или в графе “нравственности” – не оказалось. Невольно просится на перо другое донесение, в котором на вопрос “показать отношения мужеского пола к женскому”, отвечали, что *отношения эти самые почтительные*. Помним даже, что в одном донесении прямо и не шутя сказано было: *климата в N не имеется, а есть только палящий зной, от которого люди заболевают: но тотчас же отсылаются в госпиталь, где и умирают на законном основании*»¹ [9. С. 445].

Как следует из данного примера, в обзорных «Отечественных записок» приводились факты, опро-

вержение или подтверждение которых оказывались равно невозможными. Собранные вместе сведения становились частью общего нарратива, пределы которого определялись границами провинциального текста. Ссылка на источники часто отсутствовала, конкретика размывалась посредством упоминаний «одного надежного источника» или «одного честного собеседника». На протяжении обозрения читателя неоднократно заверяли в подлинности собранных сведений: «Нет, впрочем, ни малейшего сомнения, что и эти факты – во-первых, факты, а не шутки, во-вторых, факты чисто статистические» [9. С. 446].

Обращаясь к жизни бурлаков, называющих столицей малоизвестную Юньгу, или к крестьянским бабам, катающимся по земле с причитами для лучшего урожая, обозреватель «Отечественных записок» находил ситуации в неведомом, фантастическом мире, лишенном климата, рельефа и географических контуров, и фактически конструировал действительность, известную только ему. Подобная манера описания берет начало из сатирических журналов XVIII в., в частности «Живописца» и «Трутня» Н.И. Новикова, «Сатирического вестника» Н.И. Стрехова, и активно развивается в фельетонистике XIX в. Однако включение данного модуля в новостные обзоры, связанные, как правило, с провинциальной жизнью, показывает неординарность данной темы и специфическую семантику исходного материала.

Наряду с существовавшими цензурными условиями, способствовавшими деформации исходных данных, наблюдаемая размытость обусловлена феноменологическими особенностями провинциального пространства. Слово «провинция» не указывает на конкретный географический объект, и эта абстрактность распространяется на все явления, так или иначе связанные с провинциальной жизнью. Несмотря на то что многие журналисты второй половины XIX в. были выходцами из провинции, вместо развернутых описаний уездной или губернской жизни читатель встречает набор стереотипных характеристик, иконизм которых, по точному замечанию Е.Н. Эртнер, приближается к «технике наскального рисунка» [10. С. 105].

Закономерное влияние творчества Н.В. Гоголя сказалось в копировании и воспроизведении характерных черт города без имени, города N. Это мифологическое, по замечанию В.Ш. Кривоноса, пространство [11], по всей видимости, возводилось в абсолют, и описываемые провинциальные происшествия осмыслились обозревателями в призме условного города N. Отсюда следует оформление характерного метаязыка, фактуальная составляющая которого заменяется набором устойчивых знаков с заранее определенным денотатом.

Для последующей эволюции внутреннего обозрения (в разных толстых журналах) характерно периодическое повторение данной манеры повествования и описания фактов. Эти повторения нельзя назвать системными, однако читающая провинциальная аудитория наряду с определенными оценками своей жизни в беллетристике встречалась с аналогичными характеристиками в новостных обзорах. Здесь за провинциалами закрепляется фольклорно-литературная номинация пошехонцев и жителей Чухломы. Обозреватели высме-

ивали неурожаи и беды отдельных губерний и уездов, критиковали губернаторов и местных чиновников. В рубрике «Нам пишут» (газета «Искра») неоднократно сообщалось о чрезвычайных происшествиях в городе Кутерьме, причем Кутерьма становилась как топосом, так и сюжетом рубрик («Что за кутерьма!»² [12. С. 274]). Таким образом, истинные контуры провинциального пространства постоянно оказывались размытыми. Передавая события города Глухова по сохранившимся номерам «Летописца», М.Е. Салтыков-Щедрин, очевидно, пародировал внутренние обозрения столичных толстых журналов и газет.

Квинтэссенцию искажений фактуальной информации, связанной с губернской жизнью, можно найти в журнале «Колосья». Приведенные далее материалы собраны в одном «Обзоре общественной жизни»: «Еще бы несколько дней – и обыватели Одессы съели бы друг друга» [13. С. 280]; «В Екатеринбурге столько накопилось этих “грязей”, что, когда задумали горожане немного почиститься и вывезли с городской площади несколько тысяч возов грязи, то под нею, к общему удивлению, оказалась совершенно целая мостовая, о существовании которой ходили в городе только мифические рассказы» [Там же. С. 286]; «В Нижнем Новгороде не прекращается дифтерит. Туда-сюда, сейчас произвели следствие и выяснили нечто трагикомическое. На одной из центральных площадей стояло болото, служащее рассадником миазмов. Его следовало бы засыпать. Но умные нижегородцы поступили иначе: они около вонючего и смрадного болота устроили общественное гуляние. Дифтерит, понятно, такой меры не перепугался и – тоже пошел гулять» [Там же. С. 289].

Данные ситуации, собранные вместе, представляют ряд курьезов, причем в качестве героев обозрения выступают не условные топосы, а действительные губернские города Российской империи, претендующие на определенное место и социальную роль в истории государства. Таким образом, провинциальный текст вытесняет локальный, сообщая ему особую художественную семантику. Помимо различных оценок Летописец «Колосьев» обращается к прецедентным текстам, описывая «истории, целиком заимствованные из “Пошехонских рассказов” Щедрина», происшествия, услышанные «от одного очевидца – Тряпичкина», и преступления, осуществленные «самым хлестаковским образом».

На наш взгляд, Летописец «Колосьев» интуитивно почувствовал обусловленность внутренних обозрений литературными сюжетами и указал на существующую взаимосвязь [14]. Занимая второстепенное место в рубриках толстого журнала, внутреннее обозрение часто соседствовало с беллетристическими и фельетонными материалами, вынесенными за пределы собственно художественной словесности. Очевидно, соположение фельетонов и внутренних обозрений обусловило ряд важных смысловых пересечений, в которых эпизоды из жизни провинции аранжировались фельетонными и сатирическими комментариями.

Данный процесс носил двусторонний характер и отражался в литературе второй половины XIX в. В очерке «Красильников» П.И. Мельников-Печерский вкладывает в уста своего персонажа следующие слова: «Повел мужик телку, повел другой снова телку, повел

третий бычка. На базаре их сосчитали да в “Ведомостях” и припечатали: “Скота-де у них расплодилось”... Прошел месяц-другой, опять староста у окна. – “Денег нет”, говорит ему мужичок. А староста ему на ответ: “у тебя две телеги – нову-то продай”. Повез мужик телегу, повез другой сани, повез третий дровни – на базаре их сосчитали, а ваша милость, что сведения-то собираете, и хватить в “Ведомостях” – “промыслы-де у них в гору пошли”» [15. С. 34]. Из приведенного фрагмента следует, что сведения из обзоров столичных и провинциальных ведомостей не всегда воспринимались как абсолютно достоверные. Причины, как было сказано выше, коренились не только в столичной близорукости, но и в особом явлении, которым была русская провинция.

В этом контексте примечательным становится фрагмент из романа В.А. Слепцова «Трудное время», где Рязанов поясняет Щетининой истинное содержание статей «Отечественных записок»: «Какие там школы? Тут дело идет о предмете более близком. Школа! Это опечатка. Везде, где написано “школа”, следует читать *шкура*. <...> Ну, а публика, разумеется, так как она очень умна, то этого не понимает и думает, что в самом деле разговор идет о легчайшем способе обучения грамоте. Конечно, ей следует внушать, чтобы понимала» [16. С. 279]. Если обратиться к содержанию речи Рязанова, окажется, что журналистика второй половины

XIX в., обращаясь к провинции (а речь идет о создании земских школ), резко меняла свой тон, в результате чего некоторая истинная информация обрастала большим количеством недостоверных подробностей и, наконец, становилась частью художественного нарратива³.

В заключение отметим факторы, повлиявшие на трансформацию внутреннего обозрения в провинциальном тексте. Во-первых, очевидно сказывалось влияние беллетристического и фельетонного контекстов, ближайшего журнального окружения. Во-вторых, местная губернская пресса, представляющая заурядные события с большим количеством орфографических и речевых ошибок, предлагала богатый материал для иронического освещения в столичной прессе. В-третьих, внутреннее обозрение создавалось для столичного, а не провинциального читателя (который располагал более актуальными и достоверными сведениями местной прессы). Кроме того, русская провинция как особый феномен часто оказывалась закрытой для восприятия и осознания, что делало невозможным достоверное описание событий в отдельных губернских и уездных городах. В свою очередь, внутренние обозрения, предлагая емкие фабулы повседневной жизни, могли быть восприняты беллетристикой и использованы авторами в оформлении провинциальных сюжетов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эти сведения созвучны комическому эпизоду из повести В.И. Даля «Бедовик»: «А жировский городничий, вследствие требования губернского статистического комитета, отношением своим уведомляя, что по графе нравственность в статистических таблицах сделано надлежащее распоряжение, а именно: “Как оной нравственности в городе не оказалось, то и отнесено к исправнику, не окажется ли таковой в уезде”» [8. С. 220].

² Кутерьма как топос вводится в стихотворной комедии Я.Б. Княжнина «Неудачный примиритель, или Без обеда домой поеду».

³ Иначе данный фрагмент трактует К. Чуковский, говоря о «тайнописи» слепцовского романа [17]. Предположительно, в романе В.А. Слепцова такое описание внутренних обозрений коррелирует с разночинской прагматикой [18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Зыкова Г.В. Поэтика русского журнала 1830–1870 гг. М. : Изд-во МГУ, 2005.
2. Емельянов Н.П. «Внутреннее обозрение» как особый журналистский жанр // Русская журналистика XVIII–XIX вв. (из истории жанров). Л. : Изд-во ЛГУ, 1969. С. 100–126.
3. Елисеев Г.З. Губернские ведомости // Современник. 1861. № 5.
4. Блохин Н.Ф. Провинция газетная. Государственное управление периодической печатью и становление газетного дела в российской провинции (1830–1870 гг.). СПб., 2009.
5. Обнародование распоряжений высшего и местного правительства // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. 2, ч. 1 : Общее губернское учреждение. 1857.
6. Современное обозрение. Русская литература. Губернская пресса // Современник. 1865. № 6.
7. Обзор губернских ведомостей (апрель – июнь 1866) // Отечественные записки. 1866. Т. 109, ч. 1.
8. Даль В.И. Вакх Сидорович Чайкин // Даль В.И. Избранные произведения. М. : Правда, 1983.
9. Егунов А. Обзор губернских ведомостей (май-июль 1860) // Отечественные записки. 1860. Т. 98, ч. 3.
10. Эртнер Е.Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2005.
11. Кривонос В.Ш. Гоголь: миф провинциального города // Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь : Изд-во ТвГУ, 2001.
12. Нам пишут // Искра. 1860. № 25.
13. Летописец. Внутреннее обозрение // Колосъ. 1888. № 1.
14. Козлов А.Е. Издательские стратегии журнала «Колосъ»: к характеристике адресата // Филологические аспекты книгоиздания : сб. науч. ст. Новосибирск : Гаудеамус, 2012. Вып. 2.
15. Мельников-Печерский П.И. Красильниковы // Мельников-Печерский П.И. Рассказы и повести. М. : Правда, 1983.
16. Слепцов В.А. Трудное время // Русские повести XIX века 60-х годов. М. : ГИХЛ, 1956. Т. 1.
17. Чуковский К. Тайнопись «Трудного времени» // Люди и книги шестидесятых годов. Л. : Изд-во писателей, 1934.
18. Брумфилд У. Социальный проект в русской литературе XIX века. М. : Три квадрата, 2009.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 марта 2013 г.